

Ковалев Александр Николаевич,
начальник кафедры
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

РОЛЬ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ В ЯДЕРНОМ СДЕРЖИВАНИИ В 1960–1970-Х ГОДАХ

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки создания систем противоракетной обороны, их роль в повышении стабильности ядерного сдерживания на начальном этапе своего развития. Несмотря на ограниченные возможности систем в этот период, они, наряду с достижением паритета по наступательным стратегическим вооружениям, способствовали смещению акцентов в определении облика возможной будущей войны с неограниченного применения ядерного оружия к ограниченному и даже к возможности ведения войны с использованием только конвенционального вооружения.

Ключевые слова: СЯС, ядерное сдерживание, МБР, БРПЛ, ПРО, Договор по ПРО.

Abstract. The article analyzes the preconditions for the development of anti-ballistic missile systems, their technical specifications, and their role in enhancing nuclear deterrence stability during the initial phase of their development. Despite the limited capabilities of the systems during this period, they – along with the achievement of parity in offensive strategic weapons – contributed to shifting the focus in defining the nature of a potential future war from unlimited nuclear weapons use to limited, and even to the possibility of conducting warfare using only conventional arms.

Key words: SNF, nuclear deterrence, ICBM, SLBM, ABM defense, ABM Treaty.

После 1945 года военная политика США ориентировалась на удерживание СССР в границах влияния, установленных Ялтинской конференцией. Инструментами достижения этой цели должны были стать наращивание силового потенциала и предоставление гарантий безопасности союзникам США. Значительная роль в этом отводилась развитию стратегических ядерных сил (далее – СЯС). Так, к началу 1960-х годов расходы США на СЯС составляли более 10 млрд. долл. при общих расходах на оборону в районе 50 млрд. долл. [1], а в СССР в ходе 1960-х годов ядерный арсенал увеличился более чем в 5 раз, с 2,45 тысяч до 12,7 тысяч боеприпасов [2]. Обладая мегатонной мощностью и плавильным эффектом, термоядерное оружие в сочетании с ракетными средствами его доставки дало сверхдержавам возможность гарантированного уничтожения стратегических объектов противника: командных пунктов, объектов промышленности и инфраструктуры, непосредствен-

но связанных с ведением войны, отдельных городов. В силу отсутствия паритета по конвенциональным вооружениям, военно-политическое руководство США возлагало задачи сдерживания советской группировки войск в Европе на тактическое ядерное оружие (далее – ЯО), а также, опасаясь достижения в ближайшем будущем паритета с СССР по ЯО, разрабатывало планы превентивной ядерной войны с неограниченным применением ЯО (Trojan plan в 1949 г., Single Integrated Operational Plan (SIOP) в 1953 г. и SIOP-2 в 1961 г.) [3].

Ядерное сдерживание в этих условиях определялось как комплекс превентивных угроз, призванных убедить противника отказаться от враждебных намерений [4]. Эффективность ядерного сдерживания определялась:

- совокупной степенью выживаемости средств ответного удара (т. е. должна учитываться возможность нанесения противником упреждающего удара);

- совокупной мощностью ядерных боеприпасов, степенью их надежности и точности, количеством средств доставки боеприпасов (т. е. их должно быть достаточно для гарантированного уничтожения набора стратегических объектов противника);

- совокупной степенью выживаемости средств ответного удара противника, эффективностью преодоления ими систем ПВО.

Следует отметить, что состоящие на вооружении в начале 1960-х годов системы ПВО создавались для отражения массированных налетов бомбардировочной авиации, однако к этому моменту все большая угроза стала исходить от межконтинентальных баллистических ракет (далее – МБР) и баллистических ракет подводных лодок (далее – БРПЛ) [1]. Развитие средств доставки требовало ответных мер: совершенствования систем обнаружения пусков, повышения устойчивости систем ПВО к воздействию МБР и БРПЛ, разработки и развертывания средств перехвата МБР и средств противодействия атакам с применением БРПЛ. Таковы предпосылки создания систем противоракетной обороны (далее – ПРО) как особого класса вооружения.

Разработка первых советских систем ПРО регулировалась постановлением 1953 года «О разработке методов борьбы с ракетами дальнего действия». На начальном этапе научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР) были направлены на исследование принципиальной возможности создания систем ПРО. К февралю 1955 года были подготовлены два проекта, на основании которых было принято решение о продолжении работ в данном направлении: в постановлении «О противоракетной обороне» уже содержались конкретные поручения по разработке зенитных ракет и радиолокационных средств системы, по созданию испытательного полигона. Однако на этапе проектирования в 1959–1960 гг. были выявлены серьезные недостатки: так, система А-35 могла перехватить не более 18 боевых блоков, причем на поражение одной цели требовалось восемь противоракет и три радиолокационные станции сопровождения. Проведенные в 1968–1969 гг. консультации и завершившиеся в 1971 году испытания полигонного образца системы А-35 продемонстрировали ее весьма ограни-

ченные возможности и бесперспективность продолжения НИОКР в данном направлении [5].

Среди основных трудностей в создании систем ПРО следует отметить следующие [5]:

- весь процесс стрельбы чрезвычайно скоротечен, баланс располагаемого времени крайне мал, а потому к противоракете предъявляются исключительно высокие требования по скорости полета и маневренности (для сверхточного попадания в цель);

- система ПРО должна быть всепогодной, в связи с чем ее средства наблюдения за баллистической целью должны базироваться на радиолокации;

- трудность селекции (распознавания) боевых блоков МБР и БРПЛ на фоне ложных целей: сложная баллистическая цель на среднем участке состоит из боевых блоков, тяжелых ложных целей (около 10), легких ложных целей (несколько десятков), дипольных отражателей (сотни тысяч), заполняющих пространство на траектории протяженностью до 300 км и диаметром около 100 км – причем все они имеют схожие радиолокационные «портреты», т. е. трудноразличимы радиолокатором целей комплекса ПРО;

- малые размеры боеголовки БР затрудняют наблюдение за ней для радиолокатора на требуемых дальностях обнаружения в сотни или тысячи километров;

- баллистические цели – ядерные боеголовки МБР и БРПЛ – обладают большой прочностью, поэтому противоракета должна наводиться на цель с высокой точностью;

- баллистическая цель, несущая ядерный заряд, должна быть уничтожена на значительном расстоянии от обороняемого объекта (города, звена инфраструктуры и др.).

К началу 1970-х годов стало очевидно, что развитие МБР и БРПЛ значительно опережает возможности создаваемых средств ПРО. Результатом осознания невозможности создания сколько-нибудь эффективной системы отражения массированного удара МБР и БРПЛ стало ограничение НИОКР в области ПРО, а также заключение между СССР и США по итогам переговоров об ограничении стратегических вооружений «Договора по ПРО». Основным его положением был запрет на развертывание систем ПРО территории страны или ее отдельного района. Исключение было сделано для двух районов – один мог включать в себя столицу государства, второй – район развертывания МБР. Начавшаяся в это время разработка облика перспективной системы ПРО А-135, в отличие от предыдущих проектов, была ориентирована на перехват одиночных целей и ставила более узкую задачу обороны Москвы [5].

«Договор по ПРО» играл ограничивающую роль в дальнейшем развитии СЯС. Отсутствие четких количественных ограничений на масштаб развертывания систем ПРО вносило ранее неопределенность в оценку возможностей СЯС и, тем самым, провоцировало наращивание наступательных стратегических вооружений. С тех пор и по сей день ПРО является значительным фак-

тором повышения стабильности ядерного сдерживания. Наряду с достижением паритета по наступательным стратегическим вооружениям ПРО повлияла на то, что при определении характера возможной будущей войны акцент сместился на «ограниченность» применения ЯО, на «гибкий ответ», т. е., несмотря на высокий риск эскалации, стала признаваться возможность ведения войны с использованием только конвенциональных вооружений («Доктрина Огаркова») [6].

Список использованных источников

1. Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations the Fiscal Year 1963-67 Defense Program and 1963 Defense Budget. February 14, 1962.
2. Чуприн, К. Сколько стоит подвиг: посчитали расходы на советский атомный проект / К. Чуприн // Страна Росатом. – 2021.
3. Золотарев, П. Противоракетная оборона: история и перспективы // Global Affairs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/protivoraketnaya-oborona-istoriya-i-perspektivy/>
4. Фененко, А. В. Современные концепции ядерного сдерживания // Перспективы.
5. Арбатов, А. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / А. Арбатов, В. Дворкин // Моск. Центр Карнеги. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 367 с.
6. Маршал Огарков о ядерном оружии и будущей войне. Доклад ЦРУ 1986 г. // История.РФ.